

КОСМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА: ПРИРОДА И БЫТИЕ

Современная западная мысль усомнилась в искони присущем ей логоцентризме и поставила под вопрос культ разума, приоритет рации. Развитие неклассической философии как рефлексии «децентрированной субъективности» свидетельствует о глубинной потребности человека в ощущении онтологической связности с бытием, о предвосхищении существования сил и реальностей, неуловимых в категориях классической науки. В работах Хайдеггера, Деррида, Фуко, Мерло-Понти просматриваются черты, присущие мировоззрению и миропониманию космизма, в смысле признания ограниченности, не абсолютности человеческого разума в познании мира в его подлинности. Разум более не представляется чем-то само собой разумеющимся, происходит отказ от взгляда на человеческий ум как на неотчуждаемую, властную сущность. Познавая или конструируя окружающий мир, человек зачастую впадает в иллюзию собственной автономности от бытия. Но если западная традиция только сейчас начинает ощущать тоску по незримым основам окружающей реальности и признавать деятельность неких «сакральных сил» языка (бытия), властвующих и направляющих человеческую мысль (Деррида), то в отечественной философской мысли, миропонимании, присущем космизму выпадения из единства с природой, потери целостности не происходило. Одна из причин, помимо культурно-географической обусловленности, — толерантное отношение к природному целому, не допускающее отчужденного отношения к живому.

По всем работам Хайдеггера единой нитью скользит вопрос о смысле бытия, о необходимости постоянного возобновления этого вопроса для человека, живущего в бытии и являющегося частицей этой неведомой силы. В диалектике бытия и сущего, пронизывающей его философию, просматривается сходство с идеей динамики взаимодействия и взаимовлияния макрокосма и микрокосма, развиваемой космистами, в особенности религиозными (П. Флоренский, Н. Бердяев, В. Соловь-

ев). Анализируя работы Хайдеггера, можно провести аналогию между вселенской силой макрокосма и потоком бытия, столь же нуждающимся для раскрытия запредельного творческого начала во временном, как и микрокосм (сущее) в поддержке того, чьим отражением он является, будь то Бог и человек или природа и общество. Хайдеггер говорит о приближении бытия к человеку во «временном» времени, бытии, идущем навстречу к людям. В разговоре о сущем, в поиске ответа на вопрос «Что оно есть?» — мы, опираясь на опытные данные, на видимый и доступный нашему восприятию окружающий мир, выстраиваем предположения и схемы, но в попытке обратиться к бытию мы оказываемся столь же беспомощны, как и в отношении к непредсказуемости природно-космической реальности. И все же, раскрываясь во времени и во временном сущем, бытие призывает научиться мыслить или по крайней мере попытаться достигнуть его мыслью. Бытие дарит человеку сущее, и когда человек не отрекается и не бежит от своей принадлежности бытию, бытие посылает себя человеку, наделяя его силой и устойчивостью, позволяя увидеть и испытать себя.

Возможно ли для человека, существа, ограниченного пространственно-временными пределами обитания, постичь смысл бытия после вековой привычки мыслить бытие как сущее бытия, забывая о принципиальном отличии бытия от сущего?

В устремлении к смыслу бытия Хайдеггер ставит задачу переосмысления истории онтологии, в которой традиция отнимает у Dasein самоуправляемость и свободу выбора. Привычка мыслить определенным образом, начавшееся с Декарта возвеличивание разума, поддерживаемое Кантом, по мысли Хайдеггера, приводит к упущению онтологии Dasein, принадлежности человека бытию. Чтобы познать бытие настолько, насколько это познание возможно для нашего разума, необходимо выйти за пределы привычного мироосмысления, с позиции — предзаданной Аристотелем и Кантом, то есть осуществить деструкцию онтологической традиции. Для Хайдеггера мир раскрывается в феноменологической трактовке, как «себя-само-по-себе-показывающее» (формы созерцания) пространство и время.

В философии Хайдеггера, при осмыслении диалектики бытия и сущего, можно проследить логику, близкую методологии космизма, в рассмотрении истории не как сугубо социального

явления, но как процесса, согласующегося с космическими веяниями и импульсами, некоего жизненно-энергетического потока, разворачивающегося вне пределов человеческого сознания (В. Вернадский, А. Чижевский, Л. Гумилев). Для Хайдеггера история — это не фрагментарная история человеческих свершений, но единая история бытия, представленная эпохами судьбы бытия. Под эпохой он понимает не временной период в происходящем, а главную черту явления бытия — посыл, дарование себя и «себя-удержание-от-проявления». История бытия раскрывается из ниспосылаемого в дар, а не из смутно представляемого события истории. Как и в работах космистов, в размышлениях Хайдеггера смысл истории как истории бытия находится за пределами понимания, поскольку разрыв связности мышления и бытия ограничивает человеческое сознание. Всеохватность понимания и чувствования окружающего мира и его незримых оснований, космический размах осмысления объединяет отечественную и западную мысль.

Философия М. Хайдеггера проливает свет на драму вечной неудовлетворенности и внутренней разорванности современного человека, потерявшего ощущение осмысленности жизни. Изнеженный техникой и успокоенный иллюзорным спокойствием бездумности, человек рискует за все предназначенное ему время не добраться до смысла собственного существования, как бы бытие ни призывало к пробуждению осмысляющего мышления социальными и природными катаклизмами. В отрыве мышления от бытия, не воспитывая в себе осмысляющего мышления, человек устремляется к поиску определенного и определяемого заранее, что на самом деле является проявлением страха, возникшего из недоверия бытию, вне чувствования внутренней связности с бытием, дарующим сущее. Мы верим только тому, к чему можем непосредственно прикоснуться, считая, что реально лишь исчислимое. Но природа по сути своей непостижима; «покоряя» космические просторы, человек остается гостем окружающего сущего, изменяя внешний мир и не совершенствуя своей природы. Исчисляющее мышление ограничивает не столько сущее, сколько самого человека. Сущее неподчинимо уму, будучи проявлением бытия, неподвластного ни языку, ни человеку. И хотя человек, еще не научившийся мыслить по-настоящему, творит науку, не задумываясь о последствиях того или иного открытия, Хайдеггер, говоря о власти, которую наука распространяет сейчас

на всю землю, подчеркивает тот факт, что «наука не мыслит», считая это преимуществом, а не недостатком научного мышления. В научном космизме проблемы отрыва науки от природы не возникает, поскольку ученый-космист сознает себя частью окружающего мира и учитывает влияние вселенских сил на исследуемые процессы.

Многие идеи космизма перекликаются с основными понятиями философских размышлений Хайдеггера: бытие — космос — мир, сущее — природа — земля. Сам стиль мышления, несмотря на сложности, возникающие при переводе с другого языка, представляет мироощущение и мировоззрение, близкое космическому по своей масштабности и глобализму. Подчеркиваемая русскими космистами мысль о непостижимости природно-космического бытия и необходимости осознания бережного и ответственного отношения ко всему живому, противящемуся всякому ограничению и насилию, находит близкие себе строки в работе западного мыслителя, обращающего внимание на захватническое изменение человеком окружающего мира. Но, насильственно и бездумно изменяя мир, человек забывает, что и сам он частица окружающего его сущего и, изменяя мир, он изменяет себя.

Размышления Хайдеггера, переосмысление западным философом не только самих основ мышления, но и места, позиции, занимаемых современным человеком по отношению к миру и сущему, свидетельствуют о глубинном понимании бытия, невозможном без осуществления принципа толерантности, сближающего отечественную и западную мысль.

А. В. Меньшиков,
*магистрант каф. истории философии УрГУ
(г. Екатеринбург)*

ТИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ

Теоретическое рассмотрение проблемы толерантности раскрывает перед нами разнообразные подходы и интерпретации как самого понятия, так и структуры толерантного отношения, а также различные мировоззренческие обоснования толерантности как регулятива нашего поведения. Тем не менее очевидно, что никакое теоретическое, мировоззренческое